

ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИТАЙЦЕВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (конец XIX — начало XX в.)

Галина Николаевна РОМАНОВА,
кандидат исторических наук

В условиях глобализации и экономической интеграции усилилась тенденция роста международных миграционных потоков. Политика открытости в Китае с конца 70-х гг. XX в. и либерализация внешнеэкономических связей в России во второй половине 80-х гг. в значительной степени способствовали активизации миграционного обмена между странами. Важным представляется определение не только масштабов миграции, но и выяснение влияния мигрантов на экономическое развитие Дальнего Востока России. Исследование экономической деятельности китайцев в историческом аспекте, а также на современном уровне представляет большую актуальность и практическую значимость. Это обуславливается необходимостью выработки целенаправленной политики как Центра, так и местной администрации в миграционных процессах, обеспечения экономической безопасности страны, в сфере торговли — организации цивилизационных форм её ведения. Знание исторического опыта взаимодействия двух цивилизаций — славянской и конфуцианской — может способствовать разрешению многих проблем, возникающих между двумя странами в процессе двустороннего сотрудничества.

Миграционные процессы, связанные с освоением Дальнего Востока, явились важным фактором межнационального общения. Заключение Айгуньского (1858) и Пекинского (1860) договоров России с Китаем стабилизировало русско-китайские отношения, что благоприятствовало заселению и освоению российского Дальнего Востока, с одной стороны, и Северо-Восточного Китая — с другой. Однако темпы хозяйственного развития дальневосточных областей России сдерживались медленным переселением крестьян, торговцев и промышленников из центральных губерний.

На Дальнем Востоке России китайская торговля стала развиваться в 70-е гг. XIX в. К концу столетия китайские торговцы в Амурской и Приморской областях широко развернули свою деятельность. Благодаря энергии, предприимчивости, трудолюбию, корпоративности китайцы за сравнительно короткое время заняли значительную часть сферы мелкой и средней розничной торговли. В 80-е гг. в Южно-Уссурийском крае вся мелкая торговля находилась в руках китайских коммерсантов. Торговцы составляли более 10% китайского населения¹.

В Приморской области в 1897 г. китайских торговцев было 3567 чел., русских — 1241, в 1909 г. — 2697 и 2086 соответственно, в 1910 г. — 3210 и 3101 чел. В Амурской области русских торговцев было больше, чем китайских:

в 1897 г. — 1106 чел. и 1076, в 1909 г. — 1215 и 351, в 1910 г. 1372 и 467 чел. Такое положение объяснялось тем, что в Амурской области торговля велась в основном на золотых приисках через магазины золотопромышленников в кредит под добываемое золото. При таких условиях китайская торговля развиваться не могла. С 1907 г. появились тенденции к её сокращению в связи с ужесточением контроля за соблюдением правил (наличие свидетельств на ведение дела, санитарные условия), а также из-за возвращения многих китайцев во время восстания ихэтуаней в Китай.

В 1893 г. во Владивостоке функционировало 127 китайских магазинов и только 23 русских; в 1909 г. соответственно 447 и 99; в 1910 г. — 625 и 181. Если китайские торговцы занимали лидирующие позиции по числу торгующих фирм, то по сумме торгового оборота, определяющего разряд торговых предприятий, была другая ситуация. Русская торговля в 1910 г. превосходила китайскую: 910,0 млн. руб. и 14,6 млн. руб. соответственно. Русских торговых предприятий в крае было 1941, китайских — 789², и оборот китайских мелких и средних предприятий составлял 2,6% от оборота русских³.

Принявший русское подданство купец Ти Фонтай вёл успешную торговлю в районе р. Сунгари. Среди китайских купцов, торговавших в Приамурском крае, можно отметить Тун Шэнчэна, Хэнь Шэнлу, Да Фулу, Та Фахао. Они имели отделения своих торговых фирм во Владивостоке и в других населённых пунктах⁴. Ти Фонтай прибыл в Хабаровск из Чифу (провинция Шаньдун) и поступил на службу переводчиком в Инженерную дистанцию города, занявшись одновременно торговлей и подрядами. В 1875 г. он стал купцом 2-й гильдии, имея капитал 20 тыс. руб. Важной статьёй дохода была торговля пушниной. В 1891 г. его торговые операции достигли оборота 150 тыс. руб. в год, а недвижимость стоила порядка 20—50 тыс. руб. В 1895 г. Тифонтай стал купцом I-й гильдии, занимался торговлей, промышленным производством, выполнением подрядов. В 1894 г. его капитал, вложенный в недвижимость г. Хабаровска, оценивался в 94,3 тыс. руб. Он продолжал свою деятельность и на р. Сунгари. 7 июня 1895 г. из Хабаровска на Сунгари отправилась экспедиция Тифонтая и хабаровского купца С.Я. Богданова на пароходе «Телеграф»⁵. Они стали организовывать рейсы-сплавы для закупки зерна и скота. Уже в 1897 г. Тифонтай имел в г. Саньсине крупный магази. В 1901 г. был создан Торговый дом «Тифонтай и К⁰» с основным капиталом 200 тыс. руб.⁶ В 1903 г. согласно статистическим сведениям о разных отраслях хозяйства, торговли и промышленности г. Хабаровска Торговый дом «Тифонтай и К⁰» входил в пятёрку лучших торговых компаний, таких как Плюсин В.Ф., Эмери И.С., Торговый дом «Кунст и Альберс» и Торговый дом «Чурин и К⁰». Фирма занималась торговлей мануфактурными, галантерейными и скобяными товарами, пушниной, имела недвижимость — крупчатный, мукомольный и пивоваренный заводы, в том числе и кирпичные⁷.

Между крупными российскими и китайскими фирмами существовала здоровая конкуренция, побуждавшая тех и других для выгоды населения снижать цены. Китайская мелкая и розничная торговля имела целый ряд особенностей, которые давали ей преимущества перед русской:

- широкое кредитование мелких фирм крупными. Этого не наблюдалось в системе русской торговли, в связи с чем фирмы часто терпели банкротство;

- тактика ускоренного оборота при наличии даже небольших прибылей;
- минимальные накладные расходы на жалование служащим, рекламу, помещение. Китайские фирмы обходились без найма подсобных помещений и складов, работали без рекламы. Если расходы крупного русского торговца на жалование служащим, наём помещения и подобные траты составляли 15—20% общей суммы оборота, то китайские фирмы затрачивали на эти цели не более 5—8%. Служащими китайских компаний часто были родственники хозяев, которые работали почти даром, нередко получая около 5—7 руб. в месяц, тогда как русские служащие — 35—75 руб.;
- участие служащих в прибылях предприятия, которые в качестве пайщиков вовлекались в сферу торговли, что придавало фирмам вид товарищеских объединений. Получаемая прибыль в конце года распределялась между всеми членами торгового предприятия по доле капитала. Большая её часть вкладывалась в расширение торговли. Издержки и убытки также распределялись между всеми акционерами. Владельцы торговых предприятий жили вместе со своими служащими, довольствовались одним и тем же столом, сводили личные расходы к минимуму;
- систематическое уклонение от налогов (многие китайские торговцы, особенно мелкие, вели торговлю, не получая официального разрешения и не платя налогов, т.е. практически нелегально и за счёт получаемой прибыли быстро развивались);
- контрабандный ввоз товаров из Китая вследствие слабой охраны государственной границы на Дальнем Востоке. На территории Маньчжурии, вдоль русской границы, создавались специальные магазины и склады китайских товаров. В ночное время наёмные кули, минуя пограничные посты, доставляли китайским торговцам контрабандные товары, которые продавались по дешёвой цене;
- сбыт некачественных товаров, нечестная торговля, в результате китайские мелкие торговцы, в том числе торговцы «в развоз» и «в разнос», значительно теснили российских конкурентов, создавая чрезвычайно разветвлённую сеть, которая обслуживала население края даже в глухих таёжных уголках⁸.

К концу XIX в. в Приморье китайским купцам принадлежало 56% торговых заведений. Они контролировали как оптовую, так и розничную торговлю, их лавки были в городах, а также в каждом селении и станице⁹. Существовала неразрывная связь между крупными китайскими фирмами и мелочными торговцами. В больших городах — Владивостоке и Николаевске — находились китайские торговые фирмы с годовым оборотом 100—150 тыс. руб., а также более мелкие с оборотом 5—15 тыс. руб., торговцы с оборотом 1—5 тыс. руб. и продавцы товаров вразнос¹⁰.

Главные китайские компаньоны постоянно жили в Китае. Так, кантонские фирмы с годовым торговым оборотом в 150 тыс. руб. и главная торговая фирма г. Чифу провинции Шаньдун получали 60% прибыли. Это давало им возможность производить скорейшую оборачиваемость капиталов, поэтому китайские товары продавались намного дешевле, чем в русских фирмах. С государственной точки зрения российские коммерсанты рассматривали китайскую торговлю своеобразной паутиной, которая своими нитями запу-

тывала край, захватывая такую значительную отрасль экономической жизни края, как торговлю, препятствуя тем самым притоку из центральных районов России торговцев и промышленников и сдерживая экономическое развитие региона. Вместе с тем это приводило к увеличению числа китайцев, которые в случае какого-либо политического осложнения с Китаем могли создать в крае такую силу, с которой необходимо серьёзно считаться. Многие китайские фирмы не платили налогов в казну (хотя по торговым операциям их можно отнести к купцам I-й гильдии), не оставляли своих капиталов в крае, а отправляли в Китай. Согласно данным Владивостокской городской управы свидетельства I-й гильдии в 1890 и 1893 г. были выданы соответственно только 7 и 9 русским, II гильдии — китайцам (135 и 139), русским (151 и 115); свидетельства мелочной торговли — китайцам (83 и 100), русским (58 и 87); свидетельства промыслов — китайцам (24 и 33), русским (20 и 25); свидетельства развозной торговли — китайцам (14 и 34), русским (3 и 22); свидетельства разносной торговли — китайцам (138 и 301), русским (12 и 6)¹¹.

Предлагались меры по устранению конкуренции русских фирм с китайскими.

1. Безусловное запрещение китайцам производить какую-либо торговлю в 50-вёрстной полосе от границы, не допускать ни под каким видом торговли китайцев в крестьянских селениях, хотя бы даже под видом приказчиков от русских фирм.

2. Постановка всей мелочной и разносной торговли в такие условия, чтобы торгующие китайцы были лишены возможности допускать разветвления. Запретить китайским фирмам вести торговлю товарами как русского, так и европейского производства, а также запретить китайскую розничную и разносную торговлю¹².

Китайские торговые фирмы на Дальнем Востоке России широко кредитовались Русско-Китайским банком, наибольшее их число было во Владивостоке. Крупные фирмы имели уставной капитал от 200 до порядка 500 тыс. руб., средние — от 60 до 100 тыс. руб. и мелкие от 8 до 50 тыс. руб. Например, фирма И Тай, основанная в 1879 г., имела капитал 250 тыс. руб. (универсальный оптово-розничный магазин на ул. Пекинской г. Владивостока); фирма Фу Синчан — в 1887 г. с капиталом в 200 тыс. руб. (оптово-розничная торговля мануфактурными, бакалейными, скобяными и другими товарами). Фирма Шуан Хэшэн создана в 1888 г., капитал составил около 500 тыс. руб. (оптово-розничный магазин); фирма Чэнь Тайни, основанная в 1891 г. с капиталом около 450 тыс. руб., занималась оптово-розничной торговлей мануфактурными, бакалейными, скобяными и другими товарами. Фирма Тун Шунь (1901 г.) занималась оптово-розничной торговлей мануфактурными, бакалейными товарами (японскими и китайскими). В 1911 г. 42 китайские фирмы во Владивостоке получили кредиты в Русско-Азиатском банке¹³. В 1899 г. их торговый оборот в городе превышал 19 млн. руб.¹⁴

В г. Хабаровске действовали 42 китайские торговые фирмы, кредитовавшиеся Русско-Китайским банком. Крупная торговая фирма Цзэн Хофу имела капитал 20 тыс. руб., торговый оборот — 150 тыс. руб. (основана в 1908 г.). Фирма Дэ Цзыфу с годовым оборотом в 75 тыс. руб. торговала скобяными и другими товарами. Гиринская фирма Кун Тай (капитал — 15 тыс. руб., годовой оборот — 50 тыс. руб.), созданная в 1905 г., закупала собольи шкурки

и другую пушнину. Фирмы, кредитовавшиеся в Николаевском отделении Русско-Китайского банка, занимались скупкой и продажей пушнины, засолкой рыбы. В 1912 г. в Благовещенском отделении Русско-Азиатского банка кредитовались 24 китайские фирмы¹⁵. Согласно Выписке личных счетов китайских клиентов Благовещенского отделения Русско-Азиатского банка на 1 июля 1913 г. было 15 чел.: Сан Июн, Юй Дацин, Сан Хэи, Ян Синьтянь, Юн Тайхэ, Фу Чанхэнь, Чжан Сяоцзюй и др.¹⁶ Китайцы трудились в качестве рабочих и служащих в русских фирмах, в частности в торговом доме «Чурин и К^о» во Владивостоке (месячные оклады от 12 до 65 руб.), в Никольске-Уссурийском — в качестве служащих и даже приказчиков (оклады от 60 до 187 руб.)¹⁷.

Китайская торговля наносила большой вред аборигенному населению Дальнего Востока. В Приамурье аборигены поставляли китайским торговцам ценную пушнину, женьшень, панты и другие предметы промысла в обмен на спирт, опиум, дешёвые украшения, потребительские товары. Неэквивалентный обмен приносил китайским купцам большую прибыль. Торговля среди местного населения велась в кредит под обязательство, в котором оговаривался срок поставки определённого количества соболей, женьшеня, пантов. Если обязательство не выполнялось по различным причинам, долг переходил на следующий год с 50% комиссионных¹⁸. Местное население попадало в долговую кабалу. Когда китайцу уже нечего было взять у своего должника, он забирал жену и детей, а самого продавал другому китайскому купцу. Особенно опасная ситуация сложилась в Приморской области, где почти всё аборигенное население находилось в долговой кабале.

А.Ф. Старцев, ссылаясь на Архив Общества изучения Амурского края (Ф. В.К. Арсеньев. Оп. 1), отмечает жестокое отношение китайских торговцев к местному населению. Когда у аборигенов заканчивался охотничий промысел на пушного зверя, тут же появлялись китайские торговцы. Одни из них заранее добирались сюда по морю в лодках, другие — сухим путём через Бикин и хребет Сихотэ-Алинь. Стабильных цен на продовольственные и другие товары не существовало. Бесконтрольным оценщиком мехов являлся сам торговец, он же в зависимости от ситуации произвольно увеличивал или снижал цену на свой товар. Ульчи, орочи и нивхи закупали товары в с. Мариинском или в Николаевске. Удэгейцы и орочи покупали товары у китайцев, занимавшихся развозным торгом по рекам Самарга, Бикин, Ботчи, Анюи и Хунгари, а также в магазинах Императорской Гавани. Если не было денег, он брал у китайского торговца товары в долг, после чего оказывался в полной от него зависимости. В счёт погашения мнимого долга отца или деда, матери или брата отдавались одежда, жена, дочь, сестра, оружие, соболиные ловушки и т.д.¹⁹

О росте китайской торговли свидетельствуют следующие данные. Сбыт товаров купцами в течение 5 лет (1890—1895) утроился: из китайских, японских и корейских портов количество привезённых товаров увеличилось с 7,7 тыс. т в 1890 г. до 22,2 тыс. т в 1895 г. Это возрастание происходило не только в абсолютном объёме сбыта, но и в его качественном содержании. К товарам восточных рынков постепенно присоединялись привозные из Европейской России, что усиливало конкуренцию китайских торговцев с русскими, особенно товарами массового потребления.

На российском Дальнем Востоке велась смешанная китайская торговля разными товарами, продуктами сельского хозяйства и мануфактурными изделиями. Развозная и разносная торговля была сильно развита и совершенно не поддавалась официальному учёту вследствие недостатка документов. Торговая деятельность китайцев особенно развернулась в Приморской области, тогда как в Амурской к концу первого десятилетия XX в. (по сравнению с 1897 г.) значительно сократилась.

В целом китайскую торговлю в Приамурском крае можно разделить на крупную и мелкую в городах и сельской местности, разносную и развозную и, наконец, торговлю с инородцами. Значение каждого из этих видов, с точки зрения вреда или пользы для края, было различным, как и отношение представителей местной администрации и общественности. Крупных китайских торговцев и в городах, и в деревнях было немного. Фирмы их, как правило, пользовались хорошей репутацией, служили регуляторами местных цен. Отрицательной стороной было субсидирование мелких и мельчайших предприятий и руководство всей сетью китайской торговли.

Наибольшую опасность для российской торговли и промышленности представляли мелкие предприятия, особенно развозной и разносной торгов. Китайские коммерсанты сразу устремлялись в тайгу, где появлялись русские переселенцы, захватывая их в свою сеть и препятствуя предпринимателям приступить к делу. Китайские мелкие торговцы продавали преимущественно товары, которые можно было купить в больших центрах, поэтому являлись большей частью комиссионерами. Плата за посредничество составляла барыш от торговли, выплачиваемый русскими потребителями, который почти целиком уходил в Китай и иногда бывал очень высок. Китайцы отправляли деньги на родину при содействии крупных русских и европейских торговых фирм, таких как «Шевелёв и К°», «Кунст и Альберс», «О. Линдгольм и К°» и др. Если в 1889 г. общая сумма оборотов китайских фирм в Южно-Уссурийском крае составляла немногим более 1,5 млн. серебряных рублей, в 1891 г. — 2,5 млн., то к 1893 г. выросла до 6 млн. рублей.

По мнению многих современников, развозной и разносной торгов был опасен с политической точки зрения. Китайские коммерсанты, торгуя по всему краю, проникая в самые отдалённые места Приамурья, изучали местность и могли, если понадобится, служить проводниками неприятельских военных отрядов. Против мелкой китайской торговли, главным образом в сельской местности, и против торговли с инородцами была направлена политика приамурской администрации²⁰.

Китайская торговля на российском Дальнем Востоке управлялась торговыми обществами. Владивостокское общество взаимопомощи было основано в 1881 г., утверждено в 1907 г., Хабаровское соответственно — в 1889 и 1910 гг., Никольск-Уссурийское — в 1908 и 1910 гг. Все они являлись филиалами Главного владивостокского китайского торгового общества (Хайшэньвэй хуа шан цзун хуэй). Инициатором их создания стала китайская торговая буржуазия (как легализованных в вышеперечисленных городах, так и существовавших нелегально во всех относительно крупных населённых пунктах края). Они являлись не столько благотворительными организациями, сколько органами, имевшими административные и судебные функции, подчинялись китайскому правительству и выполняли все указания Министерства торговли, труда

и земледелия Китая (находились в полной зависимости от Шанхайского торгового общества Лянь хуа хуэй). По существу, они являлись проводниками китайской торговли на российском Дальнем Востоке.

С 60-х гг. XIX в. в долине р. Имана действовало тайное общество Гун и хуэй. (Общество единомышленников). Сначала целью его было установление монополии на скупку у аборигенов женьшеня, пантов, пушнины и других предметов промысла. Позже общество распространило своё влияние и на другие виды промыслов. Законы общества Гун и хуэй прямо или косвенно были направлены на упрочение прав китайских купцов и хозяев, власти общества над наёмными работниками и аборигенным населением, на удержание их в повиновении²¹.

Китайские коммерсанты в Уссурийском крае почти во всех городах и значительных населённых пунктах имели свои торговые общества: во Владивостоке, Уссурийске, Сучане, Спасске, Черниговке, Посъете, Барабаше, Ольге, Новокиевке, Лутковке, Анучине и других местах. Через эти общества китайцы вели каботажную торговлю с аборигенами побережья и держали долгое время монопольную торговлю с местным населением таёжных районов края. Многие товары китайские коммерсанты получали из Маньчжурии и собственно Китая, куда отправляли пушнину, опиум, женьшень, морскую капусту, трепангов и другие ценности Приморья. Китайские торговцы проникали во все уголки Уссурийского края, имели разветвлённую торговую сеть, управляемую обществами, которые были связаны с различными торговыми ассоциациями Маньчжурии и Китая, а через них с цинским правительством²².

Как отмечал В.К. Арсеньев, общество взаимопомощи и торговли являлось «государством в государстве»²³. Аналогичная оценка создания давалась экономической политике царской России при строительстве и эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги в Маньчжурии (полоса отчуждения КВЖД). Установление «Правилами для сухопутной торговли» 1862 г. 50-вёрстной беспошлинной полосы для ведения российско-китайской торговли на Дальнем Востоке, впоследствии подтверждённое Петербургским договором 1881 г., использовали прежде всего китайские купцы для широкого развития контрабанды. Ежегодная утечка золота в Северо-Восточный Китай в конце XIX в. доходила до 100 пудов (более 1,3 млн. руб.), контрабанда пушнины и других товаров оценивалась приблизительно в 1,5—2,0 млн. руб.²⁴ В свою очередь на российскую территорию из Маньчжурии поставлялись главным образом контрабандные спирт (ханшин) и опиум. В Приморскую область ханшин доставлялся по р. Сунгари, в Амурскую — ввозился из Айгуни и Сахаляня (Хэйхэ). В г. Троицкосавск (Кяхту) Забайкальской области ежегодно привозилось из Маймачэна более 8 тыс. пудов ханшина²⁵. В Амурской области китайские торговцы каждый год от его сбыта выручали 100—150 тыс. руб. В 1895 г. в Приморскую область было завезено опиума свыше 4 тыс. пудов на сумму до 800 тыс. руб.²⁶ Китайская водка под названием сули, или ханшин, считалась напитком вредным для потребления. Поэтому в 1862 г. ханшин запретили к привозу и использованию в пределах страны, и в случае задержания он подлежал немедленному уничтожению. Несмотря на это, употребление ханшина в Приморской и Амурской областях было чрезвычайно распространено не только среди китайцев и аборигенов, но и русского населения из-за его крепости и дешевизны²⁷.

На Дальнем Востоке предпринимались различные меры против продажи ханшина, давались соответствующие распоряжения губернаторам Амурской и Приморской областей²⁸. В 1903 г. бывший приамурский генерал-губернатор генерал-лейтенант Д. И. Суботич обратился в Министерство финансов с отношением, в котором сообщил, что укоренившееся издавна в Восточной Сибири потребление как инородцами, так и русским населением китайского спиртного напитка ханшина в настоящее время достигло значительных размеров. Он предлагал установить более строгие взыскания для лиц, занимавшихся этим промыслом: «1. Лица, изоблечённые а) в занятии ханшинным промыслом, т.е. в водворении в пределы Империи, хранении, провозе и продаже ханшина и других крепких напитков, а также б) в их производстве на русской территории должны подвергаться денежному взысканию от 300 до 500 руб. и заключению в тюрьму на время от 6 до 12 месяцев. Причём те из них, кто не принадлежит к русскому подданству, по отбытию наказания должны быть высланы за границу с воспрещением навсегда вступать в пределы России. 2. Найденные крепкие напитки подвергаются немедленно уничтожению»²⁹. Но вследствие протяжённости границы и ограниченного акцизного надзора без прямого участия полицейских властей меры не достигали цели. Всё это наносило существенный ущерб экономике российского Дальнего Востока.

В 1894 г. во Владивостоке работала Комиссия по вопросам ограничения китайской торговли, предложившая запретить китайскую торговлю вне пределов г. Владивостока и обложить китайских торговцев сбором с оборота в 5—10%. Но приамурский генерал-губернатор признал эти меры «преждевременными»³⁰. В августе 1903 г. на IV Хабаровском съезде обсуждались вопросы применения «жёлтого труда» и влияния «жёлтой расы» на торговлю. В итоге высказались за «полную свободу торговли на почве естественной конкуренции»³¹. Приамурские генерал-губернаторы неоднократно пытались пресечь контрабанду. Так, Н.Л. Гондатти, размышляя о том, каким же образом ограничить китайское торговое проникновение, проанализировал статьи русско-китайских договоров, которые регулировали эти отношения. Он обратил внимание на то, что в статье 1 «Правил для сухопутной торговли», приложенных к Санкт-Петербургскому договору 1881 г., было установлено право русских и китайских подданных на производство свободной торговли по границе обоих государств на расстоянии 50 вёрст в ту и другую сторону. Затем во всех договорах России с Китаем были определены места, открытые для торговли русских в Китае, в отношении же таких мест в России никаких указаний не имелось. По мнению Н.Л. Гондатти, не было никакого основания считать, что китайцы имеют право производить торговлю в пределах России повсеместно. Ведь ни один из договоров не распространил на китайцев права наиболее благоприятствуемой нации. Поэтому он внёс предложение на правительственном уровне определить местности Приамурского края, которые признаются открытыми для торговли китайцев, отнести к числу их: 1) города Благовещенск, Владивосток, Зeya-Пристань, Николаевск, Никольск-Уссурийский и Хабаровск; 2) 50-вёрстную пограничную полосу, а все остальные местности края совершенно закрыть для какой бы то ни было китайской торговли. По этому вопросу приамурским генерал-губернатором 30 мая 1912 г. было отправлено письмо на имя председателя

Совета министров, в котором содержались и другие предложения по ограничению китайского проникновения³².

В конце концов с 1 января 1913 г. российское правительство было вынуждено отменить статью Санкт-Петербургского договора, предусматривавшую беспошлинную торговлю на расстоянии 50 вёрст по обе стороны российско-китайской границы. В связи с этим таможенные пункты переносились ближе к границе. В это время в регионе уже действовали Владивостокская таможня I класса II разряда, Николаевская-на-Амуре I класса III разряда и Хабаровская II класса³³.

Таким образом, можно констатировать, что китайская торговая деятельность на российском Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. — это сложный многоплановый процесс, который нельзя охарактеризовать однозначно. Контрабанда, распространение ханшина и опиума, выкачивание уникальных природных богатств, закабаление аборигенного населения китайскими торговцами наносили существенный вред национальным интересам России, подрывая отечественное производство. Китайская коммерческая деятельность в Приморье препятствовала развитию русской торговли в крае, ставила население Дальнего Востока в экономическую зависимость от Китая, подрывала национальную безопасность страны. Вместе с тем торговля крупных китайских фирм восполняла недостаток в товарах и слабую организацию обслуживания населения, создавала конкуренцию российским фирмам, снижая цены на сельскохозяйственные продукты и промышленные изделия.

¹ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 593. Л. 8—10.

² Граве В.В. Китайцы, корейцы, японцы в Приамурье: Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 11. СПб., 1912. С. 33; Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861—1917 гг.). М., 1989. С. 52—54; Ларин А. Жёлтый вопрос // Родина. М., 1999. № 1. С. 67.

³ Ларин А.Г. Китайцы в России. М., 2000. С. 17; Его же. Китайцы в России вчера и сегодня: ист. очерк. М., 2003. С. 25.

⁴ ГААО. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 2. Л. 67; Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX—начало XX в. М., 1987. С. 74; Её же. Юаньдун Э-чжун цзинци гуаньси (19-шицзичжи 20 шицзичу) (Экономические отношения России и Китая...). Харбин, 1991. С. 69; Чжан Цзунхай. Юаньдун дицюй шицзичжи цзяоэ чжун-э гуаньси (Китайско-российские отношения на Дальнем Востоке на рубеже веков). Харбин, 2000. С. 187.

⁵ Нестерова Е. Китайцы на российском Дальнем Востоке: люди и судьбы // Диаспоры. 2003. № 2. С. 17—21; Петров А.И. «Русский китаец» Николай Иванович Тифонтай (Цзи Фэнтай) // Россия и АТР. Владивосток, 2005. № 2. С. 147.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 430. Л. 22; Нестерова Е. Китайцы на российском Дальнем Востоке... С. 20—21.

⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 441. Л. 13.

⁸ Граве В.В. Китайцы, корейцы, японцы в Приамурье... С. 33; Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России... С. 52—54; Ларин А. Жёлтый вопрос... С. 67.

⁹ Дацьшен В. Уссурийские купцы // Родина. М., 1995. № 7. С. 55

¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 420. Л. 113—115; Романова Г.Н. Экономическая деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке: торговля, предпринимательство, занятость (конец XIX—начало XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в.: сб. науч. ст. Владивосток, 2000. С. 92—93.

- ¹¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 420. Л. 106, 113—114, 116.
- ¹² Там же. Л. 117, 126—127; Ф. 87. Оп. 1. Д. 618. Л. 9—10.
- ¹³ Там же. Ф. 199. Оп. 1. Д. 49. Л. 64—103; Романова Г.Н. Торговые связи России и Китая в конце XVII—начале XX в. (обзор) // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. М., 2000. С. 178.
- ¹⁴ Алепко А. Экономическая деятельность китайцев в дальневосточном регионе России в XIX—XX вв. // Проблемы Дальнего Востока. М., 2002. № 2. С. 140.
- ¹⁵ РГИА ДВ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 49. Л. 1—17, 48.
- ¹⁶ Там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 25. Л. 213—214.
- ¹⁷ ГАПК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 2, 15.
- ¹⁸ Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России... С. 54—55.
- ¹⁹ Старцев А.Ф. Экономическое положение аборигенов Приамурья и Приморья, их торговые отношения с другими народами // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Амур. гос. ун-т. Благовещенск, 2001. Вып. 2. С. 114—115.
- ²⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 420. Л. 125—127; Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX—XX в.). Омск, 1999. С. 62—64, 85—86.
- ²¹ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 759. Л. 43—45; Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России... С. 74—78; Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королёва В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 44.
- ²² Соловьёв Ф.В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье. Владивосток, 1973. С. 138; Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914. С. 189—194.
- ²³ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае... С. 194.
- ²⁴ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 284—285;
- ²⁵ ГАЧО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14107. Л. 28—30, 43—44; Ф. 78. Оп. 2. Д. 75. Л. 1, 2—3, 6, 15—16, 21—28, 31—36.
- ²⁶ Романова Г.Н. Торговые связи России и Китая... С. 179—180; История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн. I. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII—начало XX в.). Владивосток, 1987. С. 258.
- ²⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 414. Л. 1—2, 95; Ф. 8. Оп. 2. Д. 69. Л. 123.
- ²⁸ Там же. Л. 95, 98; Ф. 704. Оп. 1. Д. 808. Л. 10.
- ²⁹ Там же. Ф. 8. Оп. 2. Д. 69. Л. 123.
- ³⁰ Дацышен В.Г. История русско-китайских отношений в конце XIX—начале XX в. Красноярск, 2000. С. 113.
- ³¹ Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России. Владивосток, 1998. С. 120—121; Его же. Синдром «жёлтой опасности» в дальневосточной политике России в начале и конце XX в. // Известия РГИА ДВ: сб. науч. трудов. Владивосток, 1996. Т. 1. С. 38—39.
- ³² АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 770. Л. 114—117; Дубинина Н. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 108—109.
- ³³ Троицкая Н.А. Тоска о порто-франко: Из истории таможенной политики на русском Дальнем Востоке // Россия и АТР. Владивосток, 1995. № 4. С. 52; Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая... С. 89.

SUMMARY: The article by Candidate of Historical Sciences Galina N. Romanova is of great importance for its scientific and practical value. It elucidates the historical experience of the activity of the Chinese trading companies and merchants directly on the territory of the Russian Far East for determination civilized forms of conducting double-sided trade on modern stage with provision for expansion of economic cooperation between Russia and China. The main attention is spared to the nature of the Chinese trade, specific gravity of economy of the region, structure, ways of lending, attitude to trade activity of the Chinese and Russian merchants and local administration.